

Творческий акт как акт религиозной любви в философии Б.П. Вышеславцева

Научный руководитель – Шмалий Владимир Владимирович

Регульская Диана Азатовна

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: dadavletshina@edu.hse.ru

Борис Вышеславцев - отечественный философ XX века, главный труд которого называется «Этика преображенного Эроса». Само название данной работы уже направляет нас к теме любви, и в данной статье я исследую тот особый путь, который подбирает Б.П. Вышеславцев для рассмотрения такого многогранного предмета как любовь, затем детализировав религиозный аспект этой любви.

Но прежде, чем подойти непосредственно к проблеме, необходимо внести ясность относительно того термина, который выбирает отечественный мыслитель для обозначения любви - Эрос. Его выбор неслучаен, и отчасти он отталкивается от фрейдовского открытия об эротической природе подсознания. Подсознание важно для Вышеславцева, т.к., по его мнению, в нем хранится «все исконное, древнее и вечное, намеченное Платоном и Ап. Павлом». Однако основание выбора этого термина, безусловно, лежит в идее платоновского Эроса, и он вносит свою корректировку в представление Фрейда об эротическом и расширяет его, и вместе с тем в своем размышлении сам Вышеславцев дальше доводит его идею до христианской терминологии: «Эрос есть влюбленность в жизнь, «аффект бытия» (Фихте), жажда полноты, жажда полноценности, рождение в красоте, жажда вечной жизни (все это сказал еще Платон); а, в конце концов, Эрос есть жажда воплощения, преображения и воскресения, богочеловеческая жажда, жажда рождения Богочеловека, этого подлинного «рождения в красоте», жажда обожения и вера, что «красота спасет мир» (Достоевский) — и это сказало христианство, ибо оно есть религия абсолютно желанного» [1]. И здесь мы наблюдаем первые указания на религиозную направленность рассуждения Вышеславцева, где высшая потребность Эроса глубоко коррелирует с христианскими ценностями, а именно с потребностью в рождении Богочеловека (т.е. Иисуса Христа), в воскресении. Главное же - указание на христианство как на «религию абсолютно желанного», т.е. она содержит в себе абсолютную, наивысшую ценность Эроса, а значит является главным предметом его направленности.

Заимствует Вышеславцев и другой термин у Фрейда - сублимация, и это определение приближает нас к вопросу об акте творчества как об акте любви. И здесь, как и с Эросом, русский философ стремится вывести фрейдовский терминологический аппарат за пределы психоаналитики, включая в сублимацию всё творчество и всю культуру. Всё это потому, что сублимация для него есть возведение к высшему, облагораживание. Именно в творчестве через сублимацию всё наше низшее бессознательное и подсознательное совершает рывок к преображению жизни.

Эросу же отводится следующее место в этой системе: искусство - это воплощение любимого образа или прекрасного образа. А Эрос всегда к этому образу устремлен. Они связаны на почве того, что по мнению Вышеславцева любить можно лишь тот образ, которым «можно любоваться». Также надо уточнить, что навязать что-либо Эросу, «предписать извне» невозможно. Образ вырастает как бы сам по себе, посредством фантазии, и прекрасен тот образ, который из хаоса создает космос, т.е. сублимирует. Потому для Вышеславцева Эрос преображающий - в его природу заложено стремление к сублимации.

Суть особой религиозной призмы, которую использует Вышеславцев, раскрывается им и в вопросе об извращенном Эросе. Он задается вопросом о том, гарантирована ли нам созидательная направленность Эроса? Ведь мы сами наблюдаем в жизни, что деятельность человека часто бывает деструктивна. И философ признает - да, вместе с Эросом сублимации существует и Эрос деградации. Это разрушение, «умерщвление в уродливом», в общем - полная противоположность преображающего Эроса. Но такая направленность Эроса для Вышеславцева есть патология, особая болезнь, т.к. нормальный, «здоровый» Эрос никогда не выберет смерть против жизни, разрушение против творчества. Здесь же следует привязка к религиозному - человек любит то, что изначально нравится Богу, что для Него есть красота и свет. И это связка и есть гарантия созидательной направленности Эроса. Если Эрос - жажда полноты жизни, то это значит, что он с самого начала устремлен ко Христу в силу того, что Он и есть полнота, выраженная в избыточности, воскресении, победе над смертью. Но надо признаться, что без ответа остается вопрос о том, что же делать с извращенным Эросом и его обладателями.

Что мы имеем в конце, когда сводим во едино все данные нам части? Человек обладает Эросом. Если Эрос правильный, преображающий, то он по своей природе всегда направлен на сублимацию. Сублимация предполагает под собой творчество, созидание, которое будет преображать реальность, возвышать ее, стремиться сделать из нее нечто гармоничное, эстетичное. Здесь, пожалуй, наиболее сильно просвечивает платоновское значение Эроса - через сублимацию мир обретает духовную, преображенную телесность, которую нам объясняет у Платона А.Ф. Лосев [2]. Но эта система обладает еще одним параметром - христианской верой. Выражено это в предельной цели Эроса - ею, по факту, оказывается Иисус Христос. Вышеславцев много пишет о красоте, искусстве, и может показаться, будто от этого религиозного аспекта можно отказаться, однако на мой взгляд, это не так. Иисус Христос, будучи наибольшей полнотой жизни, есть единственная и главная цель Эроса Вышеславцева, и стерев его, мы лишаем Эрос интенциональности, а мир - самого преображение в духовную телесность. И тогда нам с ясностью открывается, что в системе Вышеславцева акт творчества есть акт христианской любви, потому что в нем устремленность к созиданию есть по факту проявление любви к образу Иисуса Христа в полноте Его жизни.

Источники и литература

- 1) Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
- 2) Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Бытие — имя — космос. М., 1993. С. 31-60.